

РЕЧЬ АНДРЕЯ БЕЛОГО ПАМЯТИ БЛОКА (1921 г.)

Публикация и комментарии С. С. Гречишкина и А. В. Лаврова
Предисловие А. В. Лаврова

«Мне кажется, что, кроме Андрея Белого, нет сейчас на земле человека, который мог бы дать характеристику Александра Блока», — писал 24 января 1922 г. К. И. Чуковский матери Блока А. А. Кублицкой-Пиотух¹. Будучи к этому времени сам автором только что вышедшей в свет «Книги об Александре Блоке», Чуковский, безусловно, сформулировал свое мнение со всей ответственностью, хорошо понимая значение свидетельств Андрея Белого для уяснения жизненного пути и творческого облика недавно умершего поэта.

Ровесник Блока и один из самых близких ему людей, писатель, чей масштаб дарования и творческих достижений сопоставим с блоковским, духовный спутник его начиная с самых первых шагов на литературном пути, Белый действительно имел большее внутреннее право писать и говорить о великом поэте, чем кто-либо другой из его современников. По сей день «Воспоминания о Блоке» (1922) Андрея Белого остаются ценнейшим источником сведений о поэте, несмотря на обилие введенных позднее в читательский оборот документальных материалов и исследовательских разысканий. Их значительность — не только в живом и подробном воссоздании многих эпизодов общения с Блоком, не только в неповторимо-своеобразном мастерстве Белого-мемуариста, но и в глубине и точности постижения внутреннего мира Блока. В отношении Белого к Блоку нет ничего общего с позицией стороннего, хотя бы и внимательного, наблюдателя. Блок изображается Белым как бы изнутри, романтическое мироощущение поэта созвучно его собственному творческому кредо вплоть до мельчайших особенностей, которые не в состоянии был бы уловить и охарактеризовать кто-либо другой. В воспоминаниях Белого рельефно вырисовывается во всем своем эпохальном значении «одинокая, мужественная, скорбная фигура Блока», как писала в 1922 г. М. С. Шагинян, и при этом «всюду проступающий, ясный и чистый образ, строгий образ Блока сам собою побеждает всякие схемы»² — те схемы, к которым порою прибегал Белый, чтобы истолковать и связать воедино противоречивые стороны творческого облика покойного поэта.

Над воспоминаниями о Блоке Белый начал работу в первые же недели после его смерти. Уже в октябре 1921 г. состоялись два заседания Вольной философской ассоциации («Вольфила»), которые были посвящены целиком рассказу Белого о встречах с Блоком. Стенограмма этих заседаний легла в основу «Воспоминаний об Александре Александровиче Блоке» Андрея Белого, опубликованных в шестом выпуске альманаха «Записки мечтателей» в 1922 г. Более краткая редакция «Воспоминаний» Белого появилась во втором сборнике «Северные дни». Однако еще до начала работы над мемуарами Белый предпринял несколько попыток итоговой, суммарной характеристики творчества Блока — в некрологе, напечатанном в «Записках мечтателей»³, и в публичных выступлениях памяти поэта.

28 августа 1921 г. состоялось 83-е открытое заседание Вольной философской ассоциации, посвященное памяти Блока. Вел заседание Андрей Белый, председатель «Вольфилы», он же произнес большую вступительную речь. Выступление Белого вызвало огромный резонанс у аудитории. Большой зал Географического общества в Петрограде, где происходило заседание, был переполнен. В связи с этим выступлением Конст. Эрберг (соратник Белого по «Вольфиле») вспоминал: «Импровизационно-творческая стихия создавала в Белом возможность быть хорошим оратором, притом оратором превосходным, обладавшим звучным, гибким голосом <...> Я помню, как потряс он огромный, переполненный зал Географического общества своей речью, посвященной памяти Блока»⁴. Белый записал на следующий день после заседания: «Публика тихо, серьезно и внимательно слушала. Говорили, что стиль заседания был настоящим»⁵.

Выступление Белого в «Вольфиле» было опубликовано по стенограмме заседания, вышедшей в свет отдельной книгой⁶. Одним из первых Белый ясно и определенно сказал о Блоке как о величайшем поэте своей эпохи: «Россия потеряла своего любимого поэта, который был тесно сплетен с нею. Современность потеряла своего наиболее чуткого сына». В своей речи Белый прослеживал важнейшие мотивы творчества Блока и основные вехи его поэтической эволюции, стремясь нащупать «связующий нерв» между юношеской лирикой и революционными произведениями поэта. Считая Блока прежде всего поэтом-философом, «конкретным философом», Белый поставил задачей «рассмотреть мир его Музы в русле имени этой Музы, как организующего начала его „фантазийных“ стихий»⁷, в связи с поэтическими символами Вл. Соловьева, а также Данте и Гете. Масштаб и направление творческих исканий Блока, согласно Белому, вполне выдерживают эти сопоставления. Касаясь темы России у Блока, Белый подчеркнул ее чуждость всяческим проявлениям национализма и созвучие началам «духовного скифства», которое связует Блока «с судьбами русского народа, с судьбами народа, призванного примирить Восток и Запад, создать условия действительного братства народов»⁸.

Опубликованный текст выступления был безусловно не в состоянии передать всей патетической импровизационной стихии речи Белого, покоровшей слушателей. «Печатное слово не восстанавливает живых и взволнованных интонаций говоривших и того трепетного, необычайного состояния духа, которое их объединяло», — свидетельствует Д. Е. Максимов, вспоминая о блоковском заседании «Вольфилы» и о выступлениях Иванова-Разумника, А. З. Штейнберга и Андрея Белого, чей ораторский дар производил поистине «ослепительное действие»: «Мне долго казалось, да и теперь кажется, что эта речь Белого по своему духовному подъему, по власти и силе звучащего слова, по глубине дыхания была выше всех речей, которые мне когда-либо приходилось слышать (...). В этой речи все сливалось в единство — и самый ее текст, и стихотворные цитаты, — но во главе этого единого организма речи стоял такой же единый, цельный, несоизмеримый с окружающим образ экстаического поэта-мыслителя»⁹.

Огромный успех заседания в Петрограде побудил Белого к организации аналогичного собрания в Москве. В сентябре 1921 г. он участвовал в создании московского отделения «Вольфилы» и был избран его председателем. 26 сентября под эгидой этой ассоциации состоялось заседание памяти Блока. Сам Белый зафиксировал: «Публичное заседание „Памяти Блока“ от В(ольной) ф(илософской) а(ссоциации) и «Скифов» в Политехническом музее. Председательствую. Говорю речь»¹⁰; «Участвую в публичном заседании» «Скифы о Блоке» (Штейнберг. Иванов-Разумник, я, Мстиславский и др.)»¹¹.

Другие участники заседания — А. З. Штейнберг и Иванов-Разумник — были соратниками Белого по «Вольфиле»; Ивановым-Разумником и С. Д. Мстиславским был написан «Манифест», предпосланный первому сборнику «Скифы» (1917). К идеям «скифства» чрезвычайно тяготел Блок. «Скифская» концепция революции как очистительной бури, как стихийного «мирового пожара», уничтожающего косный старый мир, «скифская» максималистская устремленность к «революции духа», провидимой за горизонтами свершавшейся социальной революции, были глубоко созвучны Блоку «Двенадцати» и «Скифов». В этом отношении Белый и другие «скифы» по праву осознавали себя в основных мотивах мироощущения единомышленниками Блока. «Скифские» воззрения, не лишённые анархо-утопической, романтической окраски, при всем их максимализме и при всей антибуржуазности остававшиеся достаточно далекими от реальных жизненных проблем, преобладают и в выступлениях Белого; они подкрепляются историко-философскими представлениями об извечном духовном противостоянии «Востока» и «Запада», двух метафизических полюсов, относительно которых осмысливается судьба России. Блок-«скиф» при этом закономерно предопределен всем пройденным путем поэтического и духовного становления: уже в его раннем творчестве для Белого отчетливо различимы те вехи, по которым пойдет формирование зрелого Блока и которые обусловят появление его вершинных созданий. Поэтому понятно то пристальное внимание, которое уделяет Белый «Стихам о Прекрасной Даме» и даже еще более ранним произведениям Блока, характеризующим наступление «эпохи зорь» и тех романтических упований, которые, определившись на рубеже веков, по-новому отзовутся в стихах о России, а затем в «Двенадцати» и «Скифах». Творчество Блока, по концепции Белого, — единое и цельное произведение, финал которого уже во многом предсказан началом.

В сравнении с петроградской речью московское выступление Белого памяти Блока было ориентировано на более широкий круг слушателей, чем «вольфилецы» и их окружение, в нем сильнее акцентируется попытка сделать творческий путь Блока понятнее и созвучнее идеям нового времени. В данном случае Белый выступал не перед своей привычной аудиторией, и в речи заметно стремление перевести отдельные положения своей концепции Блока, в особенности те, которые затрагивают философскую и мистическую проблематику его раннего творчества, на общедоступный язык. Эти акценты станут впоследствии преобладающими в многочисленных выступлениях Белого, посвященных поэзии Блока и воспоминаниям о нем¹². И в то же время в речи рельефно вырисовывается личность самого Белого: характеристика поэтического пути Блока во многом поверяется и корректируется историей его собственного духовного самоопределения. Белому важно подчеркнуть сходство их изначальных творческих импульсов, и этим также объясняется вынесение на первый план юношеской лирики Блока — лирики той поры, когда родство настроений двух начинающих поэтов было наиболее близким, а их взаимопонимание и даже духовное «братство» — самым безусловным. И наоборот, в тени остается Блок «второго тома» своего собрания стихотворений, Блок в эпоху переоценки унаследованных от Владимира Соловьева мистических устремлений, когда его отношения с Белым приобрели напряженно-конфликтный характер и завершились открытым разрывом.

Отдельные положения московской речи были развиты затем Белым в «Воспоминаниях о Блоке» (более всего — в той их редакции, которая была напечатана в сборнике «Северные дни») ¹³.

Текст речи Белого на вечере памяти Блока 26 сентября 1921 г. воспроизводится по стенограмме, выправленной Белым и сохранившейся в его архиве (ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, ед. хр. 91, лл. 20—33), с небольшими сокращениями и добавлениями цитат из стихотворений Блока, в стенограмме опущенных.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ «Звезда», 1972, № 8, с. 194 (публикация Л. Крысина).

² Маризтта Ш а г и н я н. Собр. соч. в 9 т., т. 1. М., 1971, с. 734—735.

³ «Записки мечтателей», № 4, Пб., «Алконост», 1921, с. 8—10; ЛН, т. 92, кн. 3, с. 791—792.

⁴ «Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год». Л., 1979, с. 115—116.

⁵ ЛН, т. 92, кн. 3, с. 804.

⁶ Памяти Александра Блока. Андрей Белый. Иванов-Разумник. А. З. Штейнберг. Пб., 1922.

⁷ Там же, с. 5, 7.

⁸ Там же, с. 27.

⁹ Д. М а к с и м о в. О том, как я видел и слышал Андрея Белого. Зарисовки издали. — «Звезда», 1982, № 7, с. 171, 172.

¹⁰ Андрей Белый. Себе на память. — ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, ед. хр. 96, л. 15.

¹¹ Андрей Белый. Материалы к биографии. 1919—1927 гг. — ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, ед. хр. 98.

¹² Ср., напр., газетный отчет о выступлении Белого на вечере памяти Блока 20 февраля 1924 г. в Политехническом музее: «Он был всегда не понят — этот самый одинокий, но и самый любимый поэт за известный период русской культуры. Белый указывает на огромное значение его в смысле общественном: у него была «протянутость» к массам, порыв к народу, но он был заслонен от масс интеллигентскими кружками того времени <...> Блок был, несомненно, выразителем подлинного кризиса современности, и в своих субъективных переживаниях он являлся рупором коллективов, бурно идущих наперекор своему времени» (Б. Б о в и ч. Андрей Белый о Блоке. — «Вечерняя Москва», 1924, № 44, 21 февраля).

¹³ «Северные дни». Сб. П. М., 1922, с. 131—155. Воспоминания датированы: «Октябрь 1921 г. Москва».

РЕЧЬ АНДРЕЯ БЕЛОГО НА ВЕЧЕРЕ ПАМЯТИ БЛОКА

26 сентября 1921 г.

Товарищи, мы собрались чествовать память А. Блока. Вот по поводу характера этого чествования хотел бы я, открывая заседание, сказать несколько слов. Много раз уже повторялись вечера, посвященные памяти Блока. Многообразны подходы к опочившему поэту. Блок как поэт — отчего же не тема? Но, товарищи, поэзия есть целая планета со своими материками, со своими странами света. Чествовать Блока как поэта вообще можно, но это общо. Еще более неудовлетворительны те формы чествования, которые целостность творчества Блока раскрамсывают на части. То, что нас, участников собрания, объединяет, является отношением к Блоку как к поэту — «нашему», народному, любимому. Мы не являемся какой-нибудь литературной или политической, или даже идейной организацией. Среди участников сегодняшнего вечера находятся представители Вольной философской ассоциации, стало быть — вольные философы; находятся и представители левого народничества; находятся и представители того идеологического течения, которое прорастает в страшных годах русской жизни и которое медленно ощупывает свое самосознание, находя в образе «скифа» символ своих устремлений. Из этого вовсе не следует заключать, что мы, люди Вольной ассоциации, являемся какой-то организацией. Наоборот: мы работаем в разных плоскостях. В сегодняшних речах мы будем подходить к поэту с различных точек зрения, мы не ответственны друг за друга. Мы ответственны, может быть, только в одном — поскольку мы Блока считаем нашим. И я думаю, что выражу мнение наших товарищей, здесь собравшихся, если я скажу, что мы считаем Блока *н а р о д н ы м* поэтом. Это не значит — поэтом из народа, это не значит — поэтом национальным. Это не значит — поэтом народническим. Поэт из народа может быть и народным, и национальным поэтом; он может быть и народническим поэтом, но он может и не быть ни тем и ни другим. Кольцов есть поэт из народа; в Кольцове чувствуется дух целого. Он в каком-то отношении возвышается до народа. Некрасов же — поэт-интеллигент народнического направления; но опять-таки в Некрасове есть нота, которая возвышает его над определенной тенденцией; можно говорить о Некрасове как о поэте народном. Поэт национальный — что есть? Национализм есть абстракция; это — рассудочное ощупывание задач народа; и — писание в духе этих задач. Таким поэтом можно назвать А. Толстого. Вот национальный поэт, но он не народник, не поэт из народа; и менее всего — народный поэт. Когда я говорю — народный поэт, я разумею нечто большее, чем обычно влагается в эти слова. Я разумею того, кто выражает не отдельный класс, не отдельные части, а целый народ. Среди таких народных поэтов, связанных с душою народа, могут быть и поэты, превышающие народ (поэты мирового масштаба), и поэты, отображающие лишь душу народа. Таким поэтом был А. Блок. Имя его — вне партий, вне литературных течений сегодняшнего, вчерашнего или завтрашнего дня, вне эстетических критериев, вне истории литературы; он связывается с душою народа; и можно сказать: имя Блока становится нашим родным именем, таким же родным, как имена Льва Толстого, Достоевского, Тютчева, Пушкина. С этим масштабом, думается мне, хотели бы мы подойти к Блоку. Вот то единственно кровное, что нас объединяет в сегодняшнем собрании. Вот то, что я хотел бы сказать, открывая заседание.

Когда рассматриваешь творчество поэта в его целом, надо прежде всего нащупать то основное зерно, из которого выветвляются все творчество, все образы; тот поэт не выдерживает разбора, который не обнаруживает внутреннего зерна; тот критик оказывается поверхностным, который в поэте не вскрыет зерна. Подходя к Блоку, следует взглянуть с птичьего полета на все стадии его творчества, обозреть многообразие или даже взаимную несоизмеримость всех его тем; и сквозь них нащупать зерно. Ныне иные говорят: Блок когда-то был поэтом; потом — перестал им быть; так же говорили о Пушкине, когда Пушкин писал свои лучшие произведения. Или говорят: мы берем Блока революционной эпохи. Мы берем Блока «Двенадцати» и «Скифов». Мы не считаемся со «Стихами о Прекрасной Даме»; когда-то же он был мистиком; после же сбросил с себя романтизм, углубился в конкретность; и в нем, наконец, пробудились гражданские ноты революционной поэзии. Кто так говорит о Блоке, тот не понимает поэта. Надо поставить себе вопрос так: Блок мог написать несколько гражданских стихотворений, которые в свое время были выразителями огромных моментов в жизни России, именно потому, что он некогда написал стихи о «Прекрасной Даме». Блок потому-то и мог написать «Скифов», что им написано «Куликово Поле». Подходя с таким себе поставленным требованием к поэту, невольно видишь, что эти истоки его творчества коренятся не только в сумме напечатанных в трех томах стихов, а в том целом, что их подстилает. Блок не был поэтом в обычном смысле этого слова; он был одновременно и конкретным философом: очень многие из вас, вероятно, читали «Стихи о Прекрасной Даме», но очень немногие знают: за этой книгой стоит сложная идеология, искавшая с каким-то мечтательным дерзновением своего осознания. Я вижу: собравшиеся здесь — главным образом молодежь; им трудно перенестись в эпоху возникновения «Стихов о Прекрасной Даме». Кто сознательно и глубоко переживал перелом в душевном и отчасти общественном настроении между 98—99 и 900—901 гг., тот знает: весь стиль жизни изменился тогда; изменился и стиль исканий, стиль красок полотен художников, стиль слова, каким поэты старались конкретизировать свои переживания. Поэты суть выразители коллективов; надо поставить вопрос: какой коллектив выражал Блок, когда писал стихотворения в роде *:

«Предчувствую Тебя. Года проходят мимо —
Все в облике одном предчувствую Тебя.»

Весь горизонт в огне — и ясен нестерпимо,
И молча жду, — *тоскуя и любя.*

Весь горизонт в огне, и близко появленье,
Но страшно мне: изменишь облик Ты,

И дерзкое возбудишь подозренье,
Сменив в конце привычные черты.

О, как паду — и горестно, и низко,
Не одолев смертельные мечты!

Как ясен горизонт! И лучезарность близко.
Но страшно мне: изменишь облик Ты.»

Что это было — религиозная идеология, или вообще лирическая невнятица, или стилизация, повторение стиля старинных сонетов Данте? Нет, товарищи, нет. Именно в то время в передовых слоях русского общества происходила глубочайшая смена мироощущений эпохи пессимизма, мировой скорби, эпохи пассивности и некоторого разложения, которые инспирировали Чехова, серенькие

* Далее зачеркнуто: «Предчувствую Тебя...» (вставка 1). Приводим стихотворение Блока, цитированное Белым (I, 94).

тона в его драмах, которые инспирировали Левитана и Бальмонта в его первых книгах. Полный разрыв между духовными и внутренними переживаниями и окружающей действительностью, — вот чем определялся стиль эпохи. В 900 г. все изменяется. Чувствуется, что идет какое-то будущее, какая-то огромная эпоха, чувствуется тревога и неизвестность в атмосфере. «Скучно жить, и завтра — как вчера»¹, — вот стиль эпохи царствования Николая II. «Что день грядущий нам готовит»², вот стиль 900, 901 и 902 гг. И вы видите, как на поверхности искусства — в красках, в словах — все это меняется. Вы видите, когда вы идете на картинные выставки, как меланхолические пейзажи русских передвижников сменяются какими-то напряженными ожиданиями, Васнецов выставляет своих «Богатырей»³. Бальмонт после «Тишины» и «В безбрежности» пишет «Горящие здания»⁴. Влад. Соловьев углубляется в свои заостренные религиозные искания, и чувствуется, что вместо прозаической жизни идет «Дионис»⁵.

И вот впервые этот мир ощущений прорывается и находит отклик в русской интеллигенции, чувство напряженности обостряется, и будущая политическая борьба в поэзии начинает по-разному отражаться. Если мы возьмем Блока 1898 г. — то что мы увидим? Что эти серенькие тона, это чувство безнадежности и тоски доминируют в его стихотворениях*.

<Пусть светит месяц — ночь темна.
 Пусть жизнь приносит людям счастье,—
 В моей душе любви весна
 Не сменит бурного ненастья.
 Ночь распростерлась надо мной
 И отвечает мертвым взглядом!
 На тусклый взор души больной,
 Облитой острым, сладким ядом.
 И тщетно, страсти затая,
 В холодной мгле передрагсветной
 Среди толпы блуждаю я
 С одной лишь думою заветной:
 Пусть светит месяц — ночь темна.
 Пусть жизнь приносит людям счастье,—
 В моей душе любви весна
 Не сменит бурного ненастья.>

И потом, в 1900 году, когда наиболее чуткие и, быть может, лучшие выразители духа времени почувствовали эмпирически, физиологически какие-то поднимающиеся тучи из будущего, когда будущее стало ощущаться каким-то особым физиологическим органом, то сразу это ощущение тревоги и сквозь нее растущих зорь стало прорываться и прорывать серенькие пейзажи. Картины меланхолические, серенькие сменились картинами с ослепительными зорями. И в поэтическом пейзаже того времени произошло то же: по-разному оформились эпизоды, они оформились и в философских и моральных исканиях, которые так или иначе хотели связать вечность. Это была эпоха образования первых религиозно-философских обществ⁶. С одной стороны — группировались ницшеанцы; с другой — росли политические партии, марксизм получал все большую устойчивость. Эта активность возрастала, и вместе с тем возрастали требования. И Блок 1899-го года пишет стихи на тему «Гамаюн, птица вещая». В этих стихах на заре нового столетия уже проходят в эмбриональном виде все его искания**.

* Далее зачеркнуто: «Пусть светит месяц...»; знак вставки. Приводим стихотворение Блока, цитированное Белым (I, 3; датировано: «Январь 1898»).

** Далее — знак вставки. Приводим стихотворение «Гамаюн, птица вещая» (Картина В. Васнецова), цитированное Белым (I, 19).

<На глазах бесконечных вод,
 Закатом в пурпур облеченных,
 Она вещает и поет,
 Не в силах крыл поднять смятенных...
 Вещает иго злых татар,
 Вещает казней ряд кровавых,
 И трус, и голод, и пожар,
 Злодеев силу, гибель правых...
 Предвечным ужасом объят,
 Прекрасный лик горит любовью,
 Но вещей правдою звучат
 Уста, запекшиеся кровью!..>

Если принять во внимание, что это стихотворение написано в 99-м году, то можно сказать, что в этом стихотворении поэт предощущал заранее и зори, и страшные годы, которые потом разворачивались в пятилетия. Здесь все: и какая-то особая притягательная сила в этой птице — Гамаюне, которая зовет к чему-то новому. И чувствуется, что это новое сквозь тернии, сквозь испытания будет прорасти. И характерно, что это был год, в который Вл. Соловьев написал свою «Деву обиду»⁷. Здесь Блок перекликнулся с Соловьевым. И вот наступает 900-й год. Блок в заметке, оставленной им после смерти, бросает такую фразу, что в 1899-м году он в последний раз отдавался стихиям, и пишет, что он вообще отдавался стихийно, т. е. целиком переживаям времени⁸. И вот в 900-м году Блок с той же стихийностью входит в дух времени, он чувствует, что оканчивается старая эра, что новая заря поднимается; что какое-то громадное культурное единство идет из будущего. Но как он оформляет это культурное единство? Товарищи! в 1901 г. скончался Влад. Соловьев⁹, оставивший огромную религиозную философию, где с высоты древней гностики он пытался сделать разрез нашей действительности. В то время эта философия была чрезвычайно оригинальной и многим она казалась совершенно неприемлемой. В то время некоторые из так называемых первых соловьевцев поняли, что эта система не есть отвлеченная, метафизическая, что эта система пытается ответить на вопрос — как органически оформить жизнь в свете религиозных исканий. Соловьев делает целый ряд добавлений и поправок. Он выдвигает даже новые догмы, он пытается вскрыть, что София-Премудрость, что новая мудрость исходит с неба на землю: человек соединяется со стихией мудрости, и эта стихия мудрости приурочивается человеческим сознанием к невесте, как тот образ философии, к которому обращен был Данте и о котором он писал, что у нее глаза полны лазури¹⁰. И вот об этом образе Вечности, сходящем с неба на землю, Соловьев писал: «Знайτε же: вечная женственность ныне в теле нетленном на землю идет. В свете немеркнущем новой богини Небо слилось с пучиною вод»¹¹. Друзья Соловьева не обратили внимания на то, что из этого вытекают совершенно конкретные следствия. И вот Блок в этом смысле первый конкретизатор философии Соловьева. Блок как поэт в своих темах является действительно единственным выразителем требований Соловьева. В то время как академические друзья философа начинают брать его в плоскости метафизической, Блок подхватывает тему стихов у Соловьева и ощущает Душу мира, как бы спускающуюся в человечество новой эпохи. Мы можем под ней разумеать разное — всякий может вкладывать свое; Блок видит это новое в образе «Прекрасной Дамы». Блок сознательно изучил философию Соловьева и конкретно пытался провести ее в жизнь, сделать из нее максимум революционных выводов. Об этом явствует целый ряд его писем и целый ряд теоретических рассуждений о том, как понимает он «Прекрасную Даму». В переписке со мною подробнейшим образом характеризует он, что та муза его, к которой он обращается — «Россия» с большой буквы, — в плоскости религиозной может являться в двух аспектах: «Софии», конкретной Премудрости, сходящей в человечество, и в догматически историческом разрезе — она есть

Богоматерь¹². И вот если мы возьмем все творчество Блока, мы увидим, как этот образ раскрывается, так сказать, в трех плоскостях. Человек есть дух, и внешне духовным этот образ у Блока себя отражает в первом томе. Конечно, товарищи, для того, чтобы понять всю серьезность тогдашних исканий Блока, надо быть посвященным в очень сложные философские темы! Я хочу сказать, что у Блока этот образ его музы отображался, как образ Софии-Премудрости. В *душевно*м мире эта София-Премудрость, как у древних гностиков и у Вл. Соловьева, отображалась в образе Души мира; и в плане *физическом* она отображалась как чистая девушка, как Беатриче Данте. Когда мы берем Данте, мы видим, что Данте в Чистилище встречается девушку — Премудрость, которая ведет его в высокие сферы¹³. Эта девушка, в которую он был влюблен. И Фауст Гете, который во 2-й части вырывается из рук Мефистофеля, посвящается в духовном мире в тайны божественной, вечной женственности, встречается там образ Маргариты, той Маргариты, которую он искал в жизни и с которой в прошлом имел самый легкомысленный, внешний роман. Все равно — Маргарита ли, не признанная Фаустом, Беатриче ли Данте в образе невесты, чистой девушки, в которой отражается как в зеркале сияние мировой души. Мы видим: вся лирика Блока обращена к ней. В первом томе его стихов мы имеем какой-то луч божественности, и эта космическая душа открывается в индивидуальном сознании. Письма Блока опять-таки говорят об этом: Блок писал, что противоположности сходятся, и она есть новое откровение новой эры. Она, скорее, в отдельных душах, говорит через индивидуальное сознание, так что трудно нам осознать ее как коллектив, как народ. Впоследствии, как мы увидим, Блок приходит к другому, но в начале он так говорит: вот человек, и вот какое-то мировое единство, которое мистически открывается индивидуальному сознанию в образе Прекрасной Дамы. Позднее это мировое единство в душевном мире открывается в образе Богоматери. Это — «Божья Матерь „Утоли мои печали“»¹⁴. Это отражается и в войне, который, предчувствуя будущие грозы России, символически отображенные в гуле далекого нашествия татар, просыпается и вокруг слышит гул и говорит *:

〈И с туманом над Непрядвой спящей,

Прямо на меня

Ты сошла в одежде, свет струящей,

Не спугнув коня.

Серебром волны блеснула другу

На стальном мече,

Освежила пыльную кольчугу

На моем плече.

И когда, на утро, тучей черной

Двинулась орда,

Был в щите Твой лик нерукотворный

Светел навсегда〉

В 3-м томе она отображается уже не как душа мира. Блок начинает понимать, что без осознания более мелких коллективов, каковым является народ, конкретно пережить ее невозможно, и поэтому в 3-м томе она открывается как душа народа, как Россия, но так, что в этой России есть действительно некое органическое единство, которое вклиняет себя, свою жизнь в отдельных русских. И вот он, Блок, прислушивается к ее голосу, она ему — мать, невеста, жена. Он Россию называет женой, и так же, как Гоголь, он с совершенно единственной

* Далее — знак вставки; карандашная помета на полях: «III, 229». Приводим цитированный отрывок из третьего стихотворения цикла «На поле Куликовом» («В ночь, когда Мамай залег с ордю...»), помещенный на соответствующей странице собрания стихотворений Блока, которым пользовался Белый (Александр Б л о к. Стихотворения, кн. III. М.: «Музагет», 1916, с. 229).

нотой обращается к народу, и притом он становится народником внутренним в очень глубоком смысле слова, не в духе политическом, но в духе ощущений — как говорил Достоевский — матери сырой земли¹⁵, т. е. она действительно отображение какого-то законченного внутреннего лика. Нельзя прийти ко всему человечеству, нельзя прийти к интернационализму, к братству, содружеству наций, минуя народ (<...> Эта точка зрения требует, чтобы действительно душа народная была внутренне отображена. Блок становится именно потому народным поэтом, что к душе народа он подходит с огромной высоты, с философского задания вопроса: Что такое душа народа? В чем ее суть? Может ли она пониматься этнологически? Или душа народа есть действительно некоторая органическая основа, органическая целостность, в которую каждый русский вплетен, как ее член, в какое-то целое, имеющее свой собственный лик. И, наконец, в 3-м томе отображается эта душа народа в каждой русской женщине. Поэтому в 3-м томе звучат ноты исключительной нежности, исключительной трогательности, любви и жалости, когда Блок подходит — все равно к кому, — к той ли, которая задавлена жизненным колесом¹⁶, к цыганке ли в ресторане¹⁷, к проститутке ли — все равно он чувствует в каждой русской женщине отображение русской народной души, и в отображении народной души — отображение самого женственного начала — Божества, то отображение, которым кончается великая драма Гете, великая мистерия — «Фауст».

Возникает вопрос: почему же Блок переменялся, почему он не остался один и тот же. И тут и там, и народник и мистик, он имеет один центр, один лик своей Музы, и если мы возьмем персонажи его стихов, то опять-таки увидим, что эти персонажи всегда какой-то «он», какая-то «она» и какое-то третье лицо, какое-то хоровое начало. Как бы ни переживались эти персонажи, они вычеканиваются из всех стихов Блока. Блок именно потому большой поэт, что независимо от вопроса, хорошо ли он писал или дурно, он потому поэт, что эти 3 тома суть 3 акта, связанные внутренней драмой, что от первого до последнего мы видим развитие все той же темы, все той же углубляющейся драмы, жертвой которой пал сам он. И теперь мне хотелось бы бросить взгляд на этого поэта и в двух словах проследить основные этапы и метаморфозы этой единственной темы, от стихотворений «О Прекрасной Даме» до «12-ти» и «Скифов». Именно в ту эпоху, когда рождались молодые надежды, новое художественное направление, когда многие лозунги идеологически впервые выбросились, именно в ту пору, в год смерти Соловьева, который до Блока был наиболее ярким выразителем темы Блока, именно в этот год, даже месяц смерти Соловьева, первый из русских поэтов подхватывает эту тему. Еще в 1899 г. он пишет «Земля мертва, но вдали рассвет...»¹⁸, а уже в 900 г. звучат такие ноты * (<...> Вскоре после этого он в первый раз пишет: «То бесконечность пронесла над падшим духом ураганы, то Вечно-Юная сошла в неозаренные туманы»¹⁹, т. е. вечный дух спускается в неозаренный туман, и, стало быть, впереди нас ожидает какое-то новое время с новыми заданиями. Уже в конце осени 900-го года нарастает это настроение тревоги и кончается **:

<Там сходишь Ты с далеких светлых гор.
Я ждал Тебя. Я дух к Тебе простер.
В Тебе — спасенье!>

* Далее зачеркнуто: «Опять глухая ночь...»; знак вставки. Возможно, Белый цитировал здесь строки стихотворения Блока, датированного 10 июня 1900 г.:

На небе зарево. Глухая ночь мертва.
Толпится вокруг меня лесных деревьев громада,
Но явственно доносится молва
Далекого, неведомого града. (I, 49)

** Далее зачеркнуто: «Там сходишь ты с далеких гор...»; знак вставки. Приводим заключительные строки стихотворения Блока «Ищу спасенья...» (22 ноября 1900 г.; I, 68), цитированные Белым.

В 1901 г. эпоха нарастания и высшего напряжения этой темы. 4-го июня 1901 г. он пишет стихотворение, которое открывает его знаменитый цикл, посвященный «Прекрасной Даме» *: <...>.

И вот начинается этот знаменитый цикл. Когда мы изучаем пейзаж и краски, как он рисует, мы видим, что и краски и пейзаж отвечают краскам и пейзажу Вл. Соловьева. Но у Соловьева не пейзаж, а изображение, символ каких-то чаяний. Это есть отображение целого сложного душевного мира, под которым таится организация будущих образов. Когда мы анализируем слова и краски поэта, мы поступаем, как врач, который ощупывает пульс. Какие-то признаки внешние соответствуют какому-то органическому процессу. Вот об этом органическом процессе творчества Блока я и хочу сказать два слова. Вл. Соловьев изобразил свою музу лазурью и золотом ²⁰, и Блок говорит **: <...>

Мы видим, что Соловьев является его инспиратором и философски-поэтическим возбудителем в этот период. Но Блок идет дальше. Он говорит, что раз Она идет и спускается на землю, то Она раскрывается в ближайших годах. Он ждет ее схождения. И вот ожидание новых слов, новых событий сглаживает перспективу, и вместо золотой краски у него является сгущение ***.

<Бегут неверные дневные тени.
Высок и вятен колокольный зов.
Озарены церковные ступени,
Их камень жив — и ждет твоих шагов.

Ты здесь пройдешь, холодный камень тронешь,
Одетый страшной святостью веков,
И может быть, цветок весны уронишь
Здесь, в этой мгле, у строгих образов.

Растут невятно розовые тени,
Высок и вятен колокольный зов,
Ложится мгла на старые ступени...
Я озарен — я жду твоих шагов.>

В этом приближении, в этом экстазе чувствуется какое-то подчас хлыстовское настроение. Вот в этом преждевременном приближении образа, который для него является образом новой культуры, чувствуется, что предстоят испытания. Потому что в самом деле, с одной стороны, она спускается на землю, с другой стороны, Беатриче рисуется все более и более мистически, как будто наступает момент, когда «она» с маленькой буквы станет Она с большой; когда Она с большой буквы станет так, как стоит образ Беатриче. В том, что Блок предупредил время, пережил преждевременно, может быть, далекие горизонты, которые в столетиях будут развертываться, лежит начало того кризиса, той катастрофы, которая составляет переход. Потому что вслед за этой нотой начинается нота раздвоения ****:

<Сбежал с горы и замер в чаще.
Кругом мелькают фонари...
Как бьется сердце — злей и чаще!..
Меня прощут до зари,

Огонь болотный им неведом,
Мои глаза — глаза совы.
Пускай бегут за мною следом
Среди запутанной травы.

* Далее зачеркнуто: «Предчувствую Тебя...»; знак вставки. Белый вторично цитировал стихотворение Блока «Предчувствую Тебя. Года проходят мимо...». Этим стихотворением открывается цикл Блока «Из посвящений» в журнале «Новый путь» (1903, № 3).

** Далее — знак вставки. Неясно, какое стихотворение Блока, варьирующее соловьевские образы «лазури» и «золота», цитировал здесь Белый. См., например, стихотворения «Не сердись и прости. Ты цветешь одиноко...» (I, 97), «Она росла за дальними горами...» (I, 103), «Признак истинного чуда...» (I, 116) и др.

*** Далее — знак вставки; карадашная помета на полях: «Я озарен». Приводим стихотворение Блока, цитированное здесь Белым (I, 156).

**** Далее зачеркнуто: «когда он постоянно обращается к какой-то горе и вдруг сбежал с горы»; знак вставки. Приводим стихотворение Блока, цитированное Белым (I, 206).

Мое болото их затынет,
Сомкнется мутное кольцо
И, опрокинувшись, заглянет
Мой белый призрак им в лицо.»

Какая-то часть сознания Блока сбежала с горы, другая же часть осталась на горе, но потеряла какую-то конкретность, и с этого момента действительно в лирике Блока, в его мужских персонажах начинается раздвоение, я бы сказал образно: одна часть бежит в мглу мутной жизни и, прикоснувшись ко всем благам, начинает конкретизировать их, а другая половина сознания теряет духовную конкретность и становится абстрактной. Об этом мы все время читаем у Блока. Абстракция и чувственность — вот на что разрывается конкретность мистики Блока, и это душевное раздвоение мы можем проследить через все три тома. Мы видим это в целом ряде стихотворений трех томов. То является это в прожигателе жизни, который на Елагином мосту проскакивает на тройке и потом горестно опохмеляется ²¹, а другой не верит в конкретность мечты и называет ее прекрасной дамой. Пейзаж второго тома — туман, ржавые болота, гнилая вода, осень, увядание. В этом пейзаже, где ее образа нет в раздвоенном сознании Блока, она ушла в область мечты, которая никогда не спустится на землю. О ней поэт говорит *:

«Ты в поля отошла без возврата.
Да святится Имя Твое!
Снова красные копыя заката
Протянули ко мне острие.

Лишь к Твоей золотой свирели
В черный день устами прильну.
Если все мольбы отзвенели,
Угнетенный, в поле усну.

Ты пройдешь в золотой порфире —
Уж не мне глаза разомкнуть.
Дай вздохнуть в этом сонном мире,
Целовать излученный путь...

О, исторгни ржавую душу!
Со святыми меня упокой,
Ты, Держащая море и сушу
Неподвижно тонкой Рукой!»

Это говорит тот, кто прежнюю духовную конкретность рассматривает как мечту. А другой, тот, у кого глаза совы и кто сбежал с горы, кто бегаёт по ресторанам, кто мчится на тройке, он говорит **::

«Ты смела! Так еще будь бесстрашней!
Я — не муж, не жених твой, не друг!
Так вонзай же, мой ангел вчерашний,
В сердце — острый французский каблук!»

Вот это звучит уже незнакомкой со страусовыми перьями, и эта незнакомка неизвестно кто. Мы видим, что Блок раздваивается, что он не может жить без этой мечты, что она не может быть доступна внутреннему восприятию человека. И по мере того, как заканчивается для Блока внутреннее восприятие этого организующего единства мировой души, по мере того, как человечество во внешнем мире вычерчивается перед ним все больше и больше, мы видим, что он становится рыцарем интеллигенции, он приветствует революцию, и в его революционных стихах описывается интеллигент-«революционер».

Но Блок не удовлетворен. Социально-политическая революция вне духовной революции — такой же сон пустой. Еще задолго до 1908 г. он слишком остро переживал это единство, как открывающееся во внутреннем мире. Теперь он переживает это единство не как мировую душу, не как человечество, но идет дальше. В его внутреннем мире раздвоение этих частей расколовшегося сознания

* Далее зачеркнуто: «Ты в поля отошла...»; знак вставки. Приводим стихотворение Блока, цитированное Белым (II, 7).

** Далее — знак вставки; помета на полях: «вонзай каблук». Приводим заключительное четверостишие стихотворения Блока «Унижение», цитированное Белым (III, 32).

доходит до ужасных пределов. Незнакомка, это странное образование промежуточной эпохи, видоизменяется и является Блоку все в более страшном образе. Она является как мертвая невеста ²², но, умирая, она продолжает после смерти свою странную жизнь, и он видит образ ее в Клеопарте, в музее паноптикум ²³. Она становится образом его страшной музыки. На внутреннем пути человека встречаются испытания, его душа предстает в самом страшном женском образе, его губящем. И Блок понимает, что это есть сошедшая с ума панна Катерина ²⁴. И это есть Россия. Здесь мы чувствуем, как Блок подходит к восприятию души народа, и что же Блок делает, как он поступает. Он встречает ее дикий образ и отвечает ей глубоко замечательным образом. Мы знаем его цыганские стихи, но мы не понимаем, что это такое *. <...> Внешним образом рисуется сценка в ресторане. Это есть жена, которую он любит, это есть та Россия, в которую он вкладывает душу. Тут начинается изумительнейший цикл стихотворений. Я скажу, что все прежние его пожелания изостраются, и в своей идеологии от Вл. Соловьева он подходит неизбежно к новому, быть может, восприятию тем философии Герцена, Бакунина. Блок становится чем-то кровно связанным с ними в левых революционных нотках. Связь его с левым народничеством не случайная, но не случайно Блок в 1908 г., написавший «Куликово Поле», где он предвидит опасности, грозящие России, перекликается и с Вл. Соловьевым. Тут и там ноты Востока и Запада, и тут и там он чувствует страшного колдуна русской жизни, и он — Русский с большой буквы, в котором душа народа выковала себя. Действительно, он выковывает то, что является внутренней жизнью России. В 1908 г. он пишет, кончая «Куликово Поле» и предчувствуя тучи будущего **:

Но узнаю тебя, начало
Высоких и мятежных дней!
Над вражьим станом, как бывало,
И плеск и трубы лебедей.

Не может сердце жить покоем,
Не даром тучи собрались.
Доспех тяжел, как перед боем.
Теперь твой час настал.— Молись!»

В 1918 г. это для него уже факт. С Запада идет <...> какая угодно революция, но не духовная. С Востока идут гунны, и вот он обращается к западу сперва ***. <...> И вот его предложение — идите на Урал, о, неужели вы не откликнитесь на братский зов любви и мира. Все духовные переживания, все им вложено в переживания общественные. Будет ли Россия тем, чем она будет. Он кончает:

Идите все, идите на Урал! ****
<Мы очищаем место бою
Стальных машин, где дышит интеграл,
С монгольской дикою ордою!>>

Мы — скифы, которые любим и протягиваем объятия в последний раз, но сами мы отныне вам не щит. Стальной интеграл всякой государственности вдвинулся уже в пределы России, и дикая монгольская орда идет к границам России. Вся столкнувшиеся противоречия Востока и Запада, которые показывают, что товарищи еще не стали братьями, что какой-то рок России скрыт. И тут Блок встает как скиф, который предвидит в катастрофических годах русской жизни разрез линии всеобщей мировой катастрофы, как раз переходящей в русское ердрце до дна, поднимая в нем давно забытые звуки, которые должны войти в

* Далее — знак вставки. Какое именно стихотворение цитировал здесь Белый, неясно.

** Далее помета в скобках: «читает». Текст заключительных четверостиший стихотворения «Опять над полем Куликовым...» (III, 252—253) восстанавливается по содержанию речи; возможно, что Белый приводил это стихотворение полностью.

*** Далее — помета в скобках: «читает». Неясно, какой именно отрывок из стихотворения «Скифы» (III, 360—362) цитировал здесь Белый.

**** Далее — помета в скобках: «читает». Приводим полностью цитированное Белым четверостишие из «Скифов» (III, 362).

современное сознание, чтобы это сознание пришло к последнему, чтобы Россия действительно была той Россией с большой буквы, к которой Блок обращается так молитвенно, которая есть душа народа и отражает в себе душу человечества, душу мира. Так в Блоке соединялся мистик и поэт «Прекрасной Дамы». Но ноты обрываются (<...)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Первая часть фразы восходит к заключительным словам «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Н. В. Гоголя: «Скучно на этом свете, господа!»; вторая часть — к комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума»: «День за день, нынче, как вчера» (действие III, явление 3; реплика Молчалина).

² «Что день грядущий мне готовит?» — строка из монолога Ленского в «Евгении Онегине» (гл. 6, XXI, 5).

³ Картина «Богатыри» впервые экспонировалась в феврале 1899 г. на выставке произведений В. М. Васнецова в Петербурге, в залах Академии художеств.

⁴ Книга стихов К. Д. Бальмонта «Горящие здания. Лирика современной души» (1900) открывала новый период в его творчестве, отмеченный активным и радостным приятием жизни; этим она контрастировала с основной тональностью предшествующих сборников — «В безбрежности» (1895) и «Типина» (1898).

⁵ Подразумевается образ Диониса и «дионисийское» начало в интерпретации Ницше. В России начала XX в. активнейшим истолкователем «дионисийства» был Вячеслав Иванов. В это время им были опубликованы статья «Ницше и Дионис» («Весы», 1904, № 5; вошла в его книгу «По звездам». СПб., «Оры», 1909), а также исследование «Эллинская религия страдающего бога», печатавшееся в 1904 г. в журнале «Новый путь» и завершённое в 1905 г. в журнале «Вопросы жизни» (№ 6, 7). См. также: В. М. П а л е р н ы й. Блок и Ницше. — В кн.: Типология русской литературы и проблемы русско-эстонских литературных связей. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. XXXI. Уч. зап. Тартуского гос. ун-та, вып. 491. Тарту, 1979, с. 84—106.

⁶ Религиозно-философские собрания в Петербурге (первое состоялось 29 ноября 1901 г.) были посвящены в основном полемике по вопросам религии и церкви между представителями интеллигенции и ортодоксальным духовенством и попыткам разрешить их в связи с насущными современными проблемами. Собрания были запрещены 5 апреля 1903 г. в результате нападок консервативной и церковной печати.

⁷ Имеется в виду стихотворение Вл. С. Соловьева «Две сестры. Из исландской саги» («Плещет Обида крылами...»), датированное 3 апреля 1899 г. (Вл. С о л о в ь е в. Стихотворения и шуточные пьесы. Л., 1974, с. 133—134).

⁸ Имеется в виду так называемая «Записка о „Двенадцати“» (1 апреля 1920 г.), в которой Блок, однако, указывает иные даты: «... в январе 1918 года я в последний раз отдался стихии не менее слепо, чем в январе 1907 или в марте 1914. Оттого я и не отрекаюсь от написанного тогда, что оно было писано в согласии со стихией» (III, 474). Впервые «Записка о „Двенадцати“» была целиком обнародована в выступлении Белого памяти Блока в „Вольной философской ассоциации“ („Вольфиле“) 28 августа 1921 г. (Памяти Александра Блока. Андрей Б е л ы й. И в а н о в - Р а з у м н и к. А. З. Ш т е й н б е р г. Пб., 1922, с. 30—32.)

⁹ Негочность Белого: В. С. Соловьев скончался 31 июля 1900 г.

¹⁰ Видимо, Белый имеет в виду аллегорический образ Мадонны Философии, ведущей к познанию и совершенству, в трактате Данте «Пир». Выражение «глаза полны лазури» восходит к строке «С глазами, полными лазурного огня» из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Как часто, пестрою толпою окружен...» (1840), процитированной Вл. Соловьевым («Очами, полными лазурного огня» в поэме «Три свидания» (1898); у Соловьева эти слова отнесены к «Подруге вечной» (Вл. С о л о в ь е в. Стихотворения и шуточные пьесы, с. 130).

¹¹ Из стихотворения Вл. Соловьева «Das Ewig-Weibliche. Слово увещательное к морским чертям» (1898) (Вл. С о л о в ь е в. Стихотворения и шуточные пьесы, с. 121).

¹² См. письмо Блока к Белому от 18 июня/1 июля 1903 г. (Ал. Блок и А. Белый. Переписка, с. 35).

¹³ «Чистилище», XXX—XXXIII.

¹⁴ См. стихотворение Блока «За гробом» («Божья мать Утоли мои печали...», 1908) (III, 123—124).

¹⁵ См. поучения старца Зосимы («Братья Карамазовы» — Ф. М. Достоевский. Полн. собр. соч. в 30 т., т. 14. Л., 1976, с. 292). О символическом понятии земли в творчестве Достоевского см.: Р. П л е т н е в. Земля (Из работы «Природа в творчестве Достоевского»). — В кн.: О Достоевском. Сб. статей, вып. 1. Прага, 1929, с. 153—162.

¹⁶ Стихотворение Блока «На железной дороге» («Под насыпью, во рву некошенном...», 1910) (III, 260—261).

¹⁷ См., напр., стихотворения Блока «Из хрустального тумана...» (1909), «В ресторане» («Никогда не забуду (он был или не был...») (1910), «Когда-то гордый и надменный...» (1910) (III, 11—12, 25, 194). О «цыганском» начале в поэзии зрелого Блока см.: Ю. Л о т м а н, З. М и н ц. «Человек природы» в русской литературе XIX века и «цыганская тема» у Блока. — «Блоковский сб.», 1, с. 141—156.

¹⁸ Неточно цитируются заключительные строки стихотворения «Готов ли ты на путь далекий...» (18 июля 1899 г.):

Земля мертва, земля уныла,—
Вдали — рассвет (1,421)

¹⁹ Неточная цитата из стихотворения «То отголосок юных дней...», датированного 29 июля 1900 г. (I, 53).

²⁰ См. стихотворения Соловьева «Вся в лазури сегодня явилась...» (1875), «У царицы моей есть высокий дворец» (1875—1876), «Близко, далёко, не здесь и не там...» (1875—1876), поэму «Три свидания» (1898) (Владимир Соловьёв. Стихотворения и шуточные пьесы, с. 61—64, 125—132).

²¹ См. стихотворение Блока «На островах» («Вновь оснеженные колонны...», 1909) (III, 20—21).

²² См. стихотворение Блока «Она веселой невестой была...» (1905; II, 63—64).

²³ См. стихотворение Блока «Клеопатра» («Открыт паноптикум печальный...», 1907) (III, 207—208).

²⁴ Панна Катерина — героиня повести Н. В. Гоголя «Страшная месть». Белый истолковывал этот образ как символ спящей России в статье «Луг зеленый» («Весы», 1905, № 8, с. 7—8). «Я изумился, читая „Зеленый луг“, — писал ему Блок 2 октября 1905 г. — <...> Более близкого, чем у Тебя о пани Катерине, мне нет ничего» (VIII, 195). Об отражении образов «Страшной мести» в статье Блока «Безвременье» (1906; V, 77—78) см.: И. Т. Крук. Блок и Гоголь. — «Русская литература», 1961, № 1, с. 88; З. Г. Минц. Блок и Гоголь. — В кн.: «Блоковский сб.», 2, с. 154—155.